

А. КЮСТИН

Россия в 1839 году

<Фрагмент>

15 июля

<...> Вчера в семь часов вечера вместе с несколькими другими иностранцами я возвратился во дворец. Нас должны были представить императору и императрице.

Видно, что император ни на мгновение не может забыть, кто он и какое внимание привлекает; он постоянно позирует и, следовательно, никогда не бывает естественен, даже когда высказывается со всей откровенностью; лицо его знает три различных выражения, ни одно из которых не назовешь добрым. Чаще всего на лице этом написана суровость. Другое, более редкое, но куда больше идущее к его прекрасным чертам выражение, — торжественность, и, наконец, третье — любезность; два первых выражения вызывают холодное удивление, слегка смягчаемое лишь обаянием императора, о котором мы получаем некоторое понятие, как раз когда он удостоивает нас любезного обращения. Впрочем, одно обстоятельство все портит: дело в том, что каждое из этих выражений, внезапно покидая лицо императора, исчезает полностью, не оставляя никаких следов. На наших глазах без всякой подготовки происходит смена декораций; кажется, будто самодержец надевает маску, которую в любое мгновение может снять. Поймите меня правильно: слово «маска» я употребляю здесь в том значении, которое диктует этимология. По-гречески лицемерами называли актеров; лицемер был человек, меняющий лики, надевающий маски для того, чтобы играть в комедии. Именно это я и хочу

сказать: император всегда играет роль, причем играет с великим мастерством.

Лицемер или комедиант — слова резкие, особенно неуместные в устах человека, притязающего на суждения почтительные и беспристрастные. Однако я полагаю, что для читателей умных — а только к ним я и обращаюсь — речи ничего не значат сами по себе, и содержание их зависит от того смысла, какой в них вкладывают. Я вовсе не хочу сказать, что лицу этого монарха недостает честности, — нет, повторяю, недостает ему одной лишь естественности: таким образом, одно из главных бедствий, от которых страждет Россия, отсутствие свободы, отражается даже на лице ее повелителя: у него есть несколько масок, но нет лица. Вы ищите человека — и находите только Императора.

На мой взгляд, замечание мое для императора лестно: он добросовестно правит свое ремесло. Этот самодержец, возвышающийся благодаря своему росту над прочими людьми, подобно тому как трон его возвышается над прочими креслами, почитает слабостью на мгновение стать *обыкновенным человеком* и показать, что он живет, думает и чувствует, как простой смертный. Кажется, ему незнакома ни одна из наших привязанностей; он вечно остается командиром, судьей, генералом, адмиралом, наконец, монархом — не более и не менее*. К концу жизни он очень утомится, но русский народ — а быть может, и народы всего мира — вознесет его на огромную высоту, ибо толпа любит поразительные свершения и гордится усилиями, предпринимаемыми ради того, чтобы ее покорить.

Люди, знавшие императора Александра, говорят о нем совсем иное: достоинства и недостатки двух братьев противоположны; они вовсе не были похожи и не испытывали один к другому ни малейшей приязни. У русских вообще нет привычки чтить память покойных императоров, на сей же раз вычеркнуть минувшее царствование из памяти приказывают разом и чувства и политика. Петр Великий ближе Николаю, чем Александр, и на него нынче куда большая мода. Русские льстят далеким предкам

---

* Однажды некий русский прибыл из Петербурга в Париж; соотечественница спрашивает у него: «Как чувствует себя государь?» — «Прекрасно». — «А человек? — Человека я не видел». Я постоянно твержу себе это словцо; русские согласны со мной, но никогда в этом не признаются.

царствующим императорам и клеветают на их непосредственных предшественников.

Нынешний император оставляет свою самодержавную величавость лишь в кругу своей семьи. Там он вспоминает, что человеку природой заповеданы радости, независимые от обязанностей государственного мужа; во всяком случае, мне хочется верить, что именно это бескорыстное чувство влечет императора к его домашним; семейственные добродетели, без сомнения, помогают ему править страной, ибо снискивают ему почтение окружающих, однако я не думаю, что он чадолюбив по расчету.

Русские почитают верховную власть как религию, авторитет которой не зависит от личных достоинств того или иного священника; российский император добродетелен не по обязанности, а значит, искренен.

Живи я в Петербурге, я сделался бы царедворцем не из любви к власти, не из алчности, не из ребяческого тщеславия, но из желания отыскать путь к сердцу этого человека, единственного в своем роде и отличного от всех прочих людей; бесчувственность его — не врожденный изъян, но неизбежный результат положения, которое он не выбирал и которого не в силах переменить.

Отречение от власти, на которую притязают другие, иногда становится возмездием; отречение от абсолютной власти стало бы малодушием.

Как бы там ни было, удивительная судьба российского императора внушает мне живой интерес и вызывает сочувствие: как не сочувствовать этому прославленному изгою?

Я не знаю, вложил ли Господь в грудь императора Николая сердце, способное к дружбе, но я чувствую, что надежда убедить в своей бескорыстной привязанности одинокого правителя, не имеющего себе равных в окружающем обществе, разжигает мое честолюбие. В отношении нравственном абсолютный монарх — первая жертва неравенства сословий, и муки его тем более велики, что, являясь предметом зависти обывателей, они должны казаться неизлечимыми тому, кого они терзают.

Сами опасности, подстерегающие меня, лишь умножают мой пыл. Как! скажут мне, вы намерены прилепиться сердцем к человеку, в котором нет ничего человеческого, к человеку, чье суровое лицо внушает уважение, неизменно смешанное со страхом, чей пристальный и твердый взгляд исключает всякую вольность в обращении и требует покорства, к человеку, у которого улыбка

никогда не появляется одновременно на губах и во взоре, наконец, к человеку, ни на мгновение не выходящему из роли абсолютного монарха?! а почему бы и нет? Душевный разлад и мнимая суровость — не вина его, а беда. На мой взгляд, все это — следствия принуждения и привычки, но не черты характера, и я, притязаящий на постижение скрытой сущности этого человека, на которого вы с вашими страхами и предосторожностями возводите напраслину, я, догадывающийся о том, чего стоит ему исполнение монаршьего долга, не хочу оставлять этого несчастного земного бога на растерзание безжалостной зависти и лицемерной покорности его рабов. Увидеть своего ближнего даже в самодержце, полюбить его как брата — это религиозное призвание, милосердный поступок, священная миссия, одним словом — дело богоугодное.

Чем больше я узнаю двор, тем больше сострадаю судьбе человека, вынужденного им править, в особенности если это двор русский, напоминающий мне театр, где актеры всю жизнь участвуют в генеральной репетиции. Ни один из них не знает своей роли, и день премьеры не наступает никогда, потому что директор театра никогда не бывает доволен игрой своих подопечных. Таким образом, все, и актеры, и директор, растрачивают свою жизнь на бесконечные поправки и усовершенствования светской комедии под названием «Северная цивилизация». Если даже видеть это представление тяжело, то каково же в нем участвовать!.. Я предпочитаю Азию, там жизнь более гармонична. В России вы на каждом шагу поражаетесь действию, какое оказывают новые обычаи на вещи и установления, поражаетесь людской неопытности. Русские старательно скрывают все это, но достаточно путешественнику приглядеться к их жизни повнимательнее, и все тайное становится явным.

Император даже по крови более немец, нежели русский. Красота его черт, правильность профиля, военная выправка и некоторая скованность манер выдают в нем скорее германца, нежели славянина. Его германская натура, должно быть, долго мешала ему стать тем, кем он стал, т. е. истинным русским. Кто знает? быть может, он был рожден простодушным добряком!.. Представьте же себе, что он должен был вынести ради того, чтобы всецело соответствовать титулу императора всех славян? Не всякому дано сделаться деспотом; необходимость постоянно одерживать победы над самим собой, дабы править другими, — вот возможный источник неумеренности нового патриотизма императора Николая.

Все это не только не отвращает, но, напротив, притягивает меня. Я не могу не питать сочувственного интереса к человеку, которого страшится весь мир и который по этой причине заслуживает еще большего сострадания. <...>

Стараясь избавиться от налагаемых им на самого себя ограничений, он мечется, как лев в клетке, как больной в горячке; он гуляет верхом или пешком, он устраивает смотр, затевает небольшую войну, плавает по морю, командует морским парадом, принимает гостей на балу — и все это в один и тот же день; главный враг здешнего двора — досуг, из чего я делаю вывод, что двор этот снедаем скукой. Император беспрестанно путешествует; за сезон он преодолевает 1500 лье, не допуская и мысли о том, что не всем по силам такие долгие странствия. Императрица любит мужа и боится его покинуть; она следует за ним, куда может, и устает до смерти; впрочем, она привыкла к этой суетной жизни. Подобные развлечения необходимы ее уму, но губительны для тела.

Столь полное отсутствие покоя вредит, должно быть, воспитанию детей — занятию, требующему от родителей степенного образа жизни. Юные великие князья недостаточно удалены от двора, и всегдашнее легкомыслие придворных, отсутствие увлекательных и связных бесед, невозможность сосредоточиться, без сомнения, действуют на их характеры тлетворно. Зная, как проводят они свои дни, приходится удивляться выказываемому ими уму; судьба их вызывает тревогу, подобно судьбе цветка, растущего в неподобающем грунте. Россия — страна мнимостей, где все вызывает недоверие.

Вчера вечером я был представлен императору, причем не французским послом, но обер-церемониймейстером. Господин посол предупредил меня о том, что это — воля самого императора. Не знаю, таков ли обычный порядок, но меня представил Их Величествам именно обер-церемониймейстер.

Все иностранцы, удостоившиеся высокой чести, собрались в одной из гостиных, через которую Их Величества должны были проследовать в бальную залу. Гостиная эта расположена перед заново отделанной длинной галереей, которую придворные видели после пожара впервые. Прибыв в назначенный час, мы довольно долго ждали появления государя. Среди нас было несколько французов, один поляк, один женевец и несколько немцев. Другую половину гостиной занимали русские дамы, собравшиеся здесь для того, чтобы развлекать чужестранцев.

Император принял всех нас с тонкой и изысканной любезностью. С первого взгляда было видно, что это человек, вынужденный беречь чужое самолюбие и привыкший к такой необходимости. Все чувствовали, что императору довольно одного слова, одного взгляда, чтобы составить определенное мнение о каждом из гостей, а мнение императора — это мнение всех его подданных.

Желая дать мне понять, что ему не было бы неприятно, если бы я познакомился с его империей, император благоволил сказать, что, дабы составить верное представление о России, мне следовало бы доехать по крайней мере до Москвы и до Нижнего. «Петербург — русский город, — прибавил он, — но это не Россия».

<...>

